

ОТЗЫВ
официального оппонента
кандидата филологических наук Семеновой Виктории Ильиничны
о диссертации Рупышевой Людмилы Эрдэмовны
«Флоронимическая лексика бурятского языка»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(бурятский язык)

Диссертация Людмилы Эрдэмовны Рупышевой посвящена анализу одной из составных частей лексики природы – флоронимам бурятского языка. Флористическая терминология является одной из древнейших пластов лексики. В системе номинаций каждого языка, выражающей представления человека об окружающей действительности, отражается его познавательная и классифицирующая деятельность. Подобные названия, входящие, как правило, в специальную терминологию соответствующего рода деятельности, многократно привлекали внимание зарубежных и отечественных исследователей. Среди работ, так или иначе связанных с традиционными знаниями о растениях, есть такие, что сосредоточены на какой-то одной составляющей – словарном фонде или мотивационном аспекте номинации флоры, другие сочетают в себе интерес ко всем этим аспектам. Разнообразен и их географический охват – от одного диалекта до сравнительных работ на материале двух-трех языков.

В представленной работе Л.Э. Рупышевой впервые в бурятском языкознании на большом фактическом материале (640 единиц) произведено монографическое исследование флоронимов бурятского языка.

Обосновывая актуальность темы, автор указывает, что «... развитая и системно упорядоченная терминология отражает наиболее прогрессивную систему понятий и способствует дальнейшему развитию науки. Обращение к комплексному описанию тематических пластов лексики является необходимым и оправданным» (с. 3), и с этим нельзя не согласиться. Описание механизмов отражения объективных признаков растений в их названиях и роли этих

признаков в формировании их семиотического статуса является весьма актуальным и значимым.

Научная новизна работы заключается в осуществлении лексико-семантической классификации названий растений и выявлении типологии номинации флоронимов бурятского языка.

Во Введении дается обоснование выбора темы, раскрываются актуальность, научная новизна и практическая значимость работы, формулируются цели и задачи, указываются методы используемые исследования.

Поставленная автором несколько размытая цель – «изучение флоронимической лексики бурятского языка» (с. 3), конкретизируется кругом поставленных задач.

Положения, выносимые на защиту, изложены в двух главах работы, подразделяющихся в свою очередь на четыре параграфа. Такая композиция в целом достаточна для раскрытия обозначенной темы.

Первая глава «Особенности системной организации флоронимической лексики» начинается обзором литературы по обозначенной проблеме. Автору удалось в сжатой форме осветить существующие работы за большой период времени, причем работ как европейских, так и отечественных, а также проанализировать монголоведные исследования.

Далее в небольшом параграфе определяются основные терминологические понятия. Разумеется, интерес к тому, как традиционная культура интерпретирует и использует мир растений, начался раньше, чем для данной сферы научных интересов нашелся термин. Л.Э. Рупышева, справедливо отмечая, что вопросы семантического объема значения терминов в лингвистике во многом остаются дискуссионными, обосновывает целесообразность использования в своей работе термина «флороним».

Два последующих параграфа первой главы посвящены описанию организации родо-видовых групп «Названия дикорастущих растений и грибов» и «Названия культурных растений». Следует отметить, что представленный

материал, значительный по объему, вызывает определенный интерес для теоретических и практических обобщений не только для лингвистов, но и для специалистов естественнонаучных отраслей знаний.

Заслуживает внимания попытка автора выявить особенности системной организации рассматриваемых терминов. Определяя две гипогиперонимических группы («Названия дикорастущих растений и грибов» и «Названия культурных растений»), Людмила Эрдэмовна отмечает, что компоненты этих групп, с одной стороны, связаны общим семантическим знаменателем «растения и грибы», с другой стороны, они выступают, как самостоятельные общности и противопоставлены друг другу по признаку «дикорастущие» – «культурные».

Дальнейший анализ позволил автору выделить несколько подгрупп в каждой из названных групп. Наименования дикорастущих растений и грибов распределены в подгруппы: деревья; кустарники, кустарнички и полукустарнички; травянистые; грибы и мхи. На такие же подгруппы делятся наименования культурных растений (за исключением грибов и мхов).

Автор отмечает, что внутри каждой подгруппы могут создаваться группы более мелкого класса, между компонентами которых наблюдаются более тесные смысловые отношения. На основе выделения дополнительных признаков, по различным параметрам (функциональным, топографическим и др.) вычленяются родо-видовые подподгруппы. Так, наименования дикорастущих растений входят в подподгруппы: чужеземные; лекарственные; каучуконосные; дубильные; красильные; водные растения. Наименования культурных растений включены по специфическим свойствам в родо-видовые подподгруппы: злаковые, масличные, эфирно-масличные, прядильные, крахмалосодержащие, сахаросодержащие, овощные, фруктово-ягодные, декоративные садовые.

Диссертант заключает, что основными классифицирующими семантическими признаками в структуре флоронимов, являются характер произрастания и свойства растений. Указываются и дополнительные признаки

частного характера, такие как вкус, запах, цвет, форма плодов, форма листьев и цветков, время цветения, место произрастания. Как видно, все эти признаки имеют внеязыковую природу, т.е., классификация, предлагаемая автором, скорее ботаническая. Но, поскольку данная работа может рассматриваться как этнолингвистическая, то вполне оправдано, что анализу подвергается не только лексика, обозначающая растения, но и круг человеческих представлений, характеризующий отношение к растительному миру.

Обращает на себя внимание сделанное в ходе анализа диссертантом замечание об отсутствии у бурят необходимости различения некоторых видов растений, например: *бадма сэсэг* ‘лотос’ и ‘желтый мак’; *сагаан хархяаг* ‘груздь’ и ‘белый гриб’; *шара хархяаг* ‘рыжик’ и ‘масленок’ (с. 53), без объяснения причин такого неразличения. На наш взгляд, это вызвано тем, что из всего многообразия объектов растительности в речи используется лишь названия нескольких десятков видов. Круг соответствующих понятий не относится к числу жизненно необходимых, и в сознании людей воспринимается как нечто второстепенное. Это и вызывает смешение названий разных видов и использование одного термина для обозначения различных объектов [см. Семенова В.И. О номинации объектов флоры в бурятском языке // "Mongol sudlalin chuulgan". – Улаанбаатар: Ун-т образования, 2009. - № 7 (42)].

Вторая глава «Номинативно-мотивационная и словообразовательная характеристика флоронимов» посвящена анализу структурно-семантических и деривационных особенностей флоронимической лексики бурятского языка. Поскольку уровень экстралингвистических факторов в развитии терминологии флоры довольно высок, совершенно естественным и необходимым в работе диссертанта является параграф «Влияние основных видов деятельности человека на формирование флоронимической лексики», предваряющий лингвистический анализ. Л.Э. Рупышева довольно кратко и, вместе с тем, исчерпывающе охарактеризовала основные виды деятельности бурят, оказавшие влияние на формирование системы флоронимов бурятского языка,

отметила вклад в обогащение бурятской ботанической терминологии буддизма, а также присоединения Бурятии к России.

Говоря о номинации объектов и явлений растительного мира, диссертант выделяет следующие способы их образования: 1) на основе прямого восприятия денотативного признака; 2) метафорическим способом, т.е. путем сравнения с предметами и явлениями окружающей действительности; 3) путем синекдохи; 4) метонимии; 5) метафтонимии.

Людмила Эрдэмовна указывает, что в ее исследовании прямая мотивированность названий растений и грибов основана на логических мотивационных моделях, опирающихся на внешний вид растений, место, время и способ произрастания и т.п. В соответствии с этим выделяются пять типов прямой мотивации названий растений (соматический, топонимический, этологический, функциональный, темпоральный), из которых наиболее актуальным является этологический тип мотивации, свидетельствующий, что «особенности произрастания и специфическое воздействие на органы чувств превалируют над остальными признаками». Для растений, используемых в пищевом рационе и медицинской практике, большую роль играет функциональная мотивация.

Заслуживающим внимания является анализ способов образования названий растений путем переноса значений (метафорическим, метонимическим, метафтонимическим). Автор, используя когнитивно-матричный метод, выделяет концептуальные сферы «человек», «животное», «артефакт», «абстрактное явление». В работе установлено, что доминирующее положение в качестве сферы-источника метафорической характеристики занимают животные, на втором месте – абстрактное явление, на третьем – артефакты, на четвертом – человек. При этом преобладающими когнитивными контекстами явились *размер, форма, свойство*. Переходную зону составляют *социальный статус, среда обитания, предмет одежды*. Периферию данного денотативного поля занимают *строение, антропоним, хозяйственная единица, оценка*. Диссертант указывает как национально-

специфические для бурятской лингвокультуры когнитивные контексты *статус, размер, предмет одежды*.

Людмила Эрдэмовна отмечает, что переносные значения названий растений, возникающие в процессе концептуальной деривации, осуществляемой по метонимическим моделям, представляют устойчивый механизм формирования переносных значений флоронимов, при этом они осмысляются строго в рамках концептуальной области «растение».

Проведенное диссертантом исследование бурятской флоронимической лексики позволило представить продуктивность способов номинации флоронимов в следующем процентном соотношении: прямая номинация – 51%, метафоризация – 25%, метонимия – 16%, метафтонимия – 8%. Автор заключает, что для лексики бурятского языка характерно практически равное соотношение наименований растений с прямой и переносной номинацией.

В третьем параграфе рассматриваются заимствованные флоронимы. Автор считает, что в целом доля заимствований невелика, но они представляют определенный словообразовательный потенциал. Совершенно справедливо диссертант отмечает, что заимствования являются результатом контактов между народами.

Заключительный параграф работы посвящен анализу структурно-словообразовательных моделей флоронимов. Автором рассмотрены способы образования, из которых наиболее продуктивным является суффиксация, что, как известно, характерно для монгольских языков.

Осуществляя структурный анализ, Л.Э. Рупышева выделяет простые (непроизводные), производные и сложные (составные) наименования. Сложные термины составляют 54% от общего количества зафиксированных лексем, простые – 46%. Простые делятся на непроизводные и производные. Сложные наименования представлены в основном двухкомпонентными цельнооформленными композитами. Здесь же автор характеризует сложные наименования по типам словосложения, отмечает, что описательные термины, имеющие свойство нерасчлененности и лишенные предикативности,

характеризуются богатой стилистической окраской и дополнительными значениями. Развернутый диссертантом анализ достаточно убедителен.

В Заключении отражены основные выводы исследования, подтверждающие вынесенные на защиту положения.

Свидетельством научной и практической значимости настоящего исследования следует не только теоретические выводы, но и богатый фактический материал, представленный в диссертации. Очевидна полезность полученных результатов для лексикографии бурятского языка. Материалы исследования могут быть использованы при постановке спецкурсов по проблемам лексикологии, диалектологии и истории бурятского языка.

Необходимо также отметить хорошо разработанный понятийный и терминологический аппарат исследования и умелое его использование.

Однако, считаем нужным обратить внимание на ряд моментов.

На с. 14 рукописи читаем: «...об исторических связях монгольских языков, прежде всего с тюркскими, алтайскими и другими языками...». Такая формулировка выглядит как фактическая ошибка: тюркские, монгольские (и, добавим, тунгусо-маньчжурские) языки входят в алтайскую языковую семью. Упоминание алтайских языков в одном ряду с тюркскими – не корректно.

На с. 67 диссертации в рубрике «Флоронимы, мотивированные указанием на количество частей растения» автор приводит название *долоогоно* ‘боярышник кроваво-красный’, считая, что оно образовано от слова *долгоно* ‘образовываться о камбии’, от слова *долгон* ‘камбий’. Правильно было бы этимологизировать этот флороним от числительного *долоон* ‘семь’.

На с. 71 рукописи в рубрике «Названия растений, которые указывают на то, что плод или само растение поедается животными (в качестве корма)» указаны названия «*гүрөөһэн үбһэн* ‘иван-чай и кипрей’, букв. ‘трава косули, лося’; *зээрэн шэлбэ* ‘астрагал донниковый’, букв. ‘стебель антилопы, сайгака’; *үхэр шабга (эдеэн)* ‘название сладкого плода, редко чернослив’, букв. ‘коровья еда’». Считаем, что подобные названия связаны не с пищевым рационом указанных животных, а с их размерами: в номинациях высоких растений, как

правило, присутствуют названия крупных животных: *хонин шаралджаа* ‘полынь веничная’, букв. ‘овца полынь’; *жэр шаралджаа* ‘полынь гребневидная’, букв. ‘бык, корова полынь’; *морин улаагана* ‘калина’, букв. ‘конь красная смородина’; *тэмээн харагана* ‘карагана крупнолистная’, букв. ‘верблюд карагана’. Тот факт, что определительный компонент в подобных названиях стоит в форме номинатива, а не генетива, тоже свидетельствует, в пользу этой версии. Буквальный перевод должен быть: косуля трава, антилопа стебель, корова сухофрукт. Для сравнения: *нохойн хоншоор* – ‘шиповник’, букв. ‘собаки нос’. И сама Людмила Эрдэмовна далее в работе указывает, что «крупные растения получали определительный компонент *тэмээн, жэр, буха, морин или азарга*» (с. 78).

На с. 91 пример *арса* ‘можжевельник обыкновенный’ иллюстрирует причинно-следственную метонимию; автор неверно соотносит его с бурятским национальным напитком, который правильно называется *аарса*.

На с. 88 в бурятских примерах обнаруживаются грамматические ошибки, отдельные искажают смысл предложения: ... *шараһан каштануша эдеэлэ* (корми жареные каштаны), должно быть: *шараһан каштанудые эдее* (ели жареные каштаны); *бузинаар кисель шанана* вм. *бузинагаар*; на с. 93 *гүлзөөргэнэй үнэр* вм. *гүлзөөргэнын үнэр*; *сиреневэй үнгэ, сиреневэй үнэр* вм. *сирениин үнгэ, сирениин үнэр*.

В тексте диссертации встречаются дословные повторы (сс. 117, 122).

Высказанные замечания не умаляют значения проделанной работы. Диссертация представляет собой законченное исследование и соответствует требованиям ВАК.

Представляемая работа выполнена на достаточно высоком научном уровне, написана хорошим языком. Используемые в исследовании методы и приемы (комплексная лингвистическая методика, прием лингвистической статистики) вполне авторитетны. Автор достиг поставленной цели и выполнил все задачи.

Диссертация Л.Э. Рупышевой «Флоронимическая лексика бурятского языка», полностью соответствует п. 9.10 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней».

Положения диссертации прошли достаточную апробацию: по теме исследования опубликовано восемь статей. Автореферат и публикации достаточно полно отражают содержание диссертации.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что Рупышева Людмила Эрдэмовна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – языки народов Российской Федерации (бурятский язык).

Официальный оппонент,
к. филол. н., доцент кафедры
бурятской филологии
ФГБОУ ВПО «ИГУ»

В.И. Семенова

